
Францискъ Бэконъ, его научно-философскія и религиозныя воззрѣнія.

Мѣсто, которое занимаетъ Францискъ Бэконъ (1561—1626) въ исторіи философской и научной мысли, нельзя назвать вполне опредѣленнымъ: правда, оно прочно настолько, что ни одинъ историкъ философіи или научной методологіи не сочтетъ себя въ правѣ обойти молчаніемъ имя и труды Бэкона, зато оцѣнка послѣднихъ вызываетъ очень крупныя разногласія. Если одни считаютъ Бэкона основателемъ новой опытной философіи, то другіе отводятъ ему довольно скромное мѣсто въ ряду предшественниковъ новой науки, а третьи готовы видѣть въ немъ не болѣе, какъ невѣжественнаго диллетанта, отрицающа за нимъ всякія заслуги даже тамъ, гдѣ онѣ могли бы казаться, повидимому, наиболѣе бесспорными—въ созданіи индуктивнаго метода. ¹⁾

¹⁾ На ряду съ очень высокой оцѣнкой ученія Бэкона съ самаго начала встрѣтило и продолжаетъ встрѣчать доселѣ болѣе или менѣе горячіе противники. Знаменитый современникъ и соотечественникъ Бэкона Гарвей говорилъ про него въ насмѣшку, что онъ пишетъ по философіи, какъ лордъ-канцлеръ. Рядъ другихъ авторовъ 17-го вѣка (А. Россъ, Фр. Осборнъ, Кэвортъ, въ особенности рѣзко Стѣббъ) высказываются противъ Бэкона по несогласію съ его образомъ мыслей. Обвиненіе въ атеизмѣ (какъ увидимъ, совсѣмъ неосновательное), выставленное противниками Бэкона уже въ 17 вѣкѣ, было горячо поддержано въ 19 в. Жозефомъ де-Местромъ, который отрицаетъ за Бэкономъ всякія заслуги въ области науки и философіи, называя его шарлатаномъ и обманщикомъ. Во вторую половину 19 вѣка противъ Бэкона выступаютъ—біографъ Ньютона Брюкстеръ, Лассонъ и съ особенною страстностью знаменитый нѣмецкій хмикъ Либихъ. Ср. *Th. Fowler, Bacon's Novum Organum, Introduction*, pp. 135—145; *Kuno Fischer, Fr. Bacon und seine Schule*. 3-te Aufl.,

Такое разнообразіе оцѣнокъ, помимо самаго характера научных трудовъ Бэкона, въ которыхъ геніальныя прозрѣнія и широта кругозора дѣйствительно иногда соединяются съ недостаткомъ специальныхъ научныхъ познаній и отсталыми сужденіями, объясняется въ значительной степени и тѣмъ, что Бэкона не всегда берутъ въ исторической перспективѣ, а судятъ его съ современныхъ точекъ зрѣнія. Благодаря этому, одни склоны игнорировать то разстояніе—дѣйствительно очень большое,—которое отдѣляетъ его отъ современныхъ приемовъ научнаго мышленія, другіе, напротивъ, сосредоточивъ свое вниманіе только на этомъ разстояніи, отрицаютъ его историческія заслуги передъ современнымъ научнымъ міровоззрѣніемъ. Вотъ почему настоящій очеркъ имѣетъ въ виду дать основные пункты ученія Бэкона не только въ ихъ существенномъ содержаніи, можемъ представлять современный интересъ, но и въ ихъ, такъ сказать, исторической оправкѣ, въ той формѣ, которая наглядно отражаетъ вліяніе, оказанное на Бэкона его современностью и его предшественниками. Это, конечно, трюизмъ, но его приходится часто напоминать,—именно, что каждый мыслитель, какъ бы далеко онъ ни шелъ впереди своего вѣка, есть всетаки дитя послѣдняго. По отношенію къ Бэкону это сохраняетъ полную силу, но не въ большей мѣрѣ, чѣмъ и по отношенію, напримѣръ, къ Декарту, у котораго обычно не оспаривается слава основателя новой философіи,—не смотря на ту неоспоримую истину, что его мысль отражаетъ на себѣ еще могущественное вліяніе схоластики. Исторія философіи не знаетъ абсолютно новыхъ пріобрѣтеній, и было бы противно историческому смыслу ихъ кому-либо приписывать или отъ кого-либо требовать: все новое возникаетъ изъ гнѣдъ стараго—подобно тому какъ безъ стараго зерна не можетъ вырасти хлѣбный злакъ. Съ другой стороны и то новое, что мы находимъ у Бэкона, не есть, конечно, его личное, чисто

24 и. 27 Сар. Въ болѣе умѣренномъ тояѣ къ отрицательной оцѣнкѣ научныхъ заслугъ Бэкона присоединяется Ряль. Въ эпоху наивысшаго расцвѣта славы Бэкона во вторую половину 18 вѣка, знаменитый его соотечественникъ Юмъ предостерегаетъ противъ переоцѣнки его заслугъ и доказываетъ, что онъ гораздо ниже заслугъ Галилея и м. б. даже Кеплера. Возможно, что эта оцѣнка не осталась безъ вліянія на Гефдингга, который также ставитъ Бэкона ниже Кеплера и Галилея.

индивидуальное достояніе. Ни одинъ вѣкъ не пойдетъ за мыслителемъ, въ которомъ не найдетъ выраженія своихъ духовныхъ стремленій. Для этого едва ли можно найти болѣе наглядное подтвержденіе, чѣмъ примѣръ одноименнаго съ Бэкономъ мыслителя XIII вѣка, именно Роджера Бэкона, стремленія котораго во многомъ аналогичны научнымъ идеаламъ Фр. Бэкона: попытка Роджера Бэкона направить вниманіе современниковъ на естествознаніе не имѣла успѣха, подобно тому, какъ и изобрѣтенный имъ порохъ не могъ получить практическаго примѣненія. Совсѣмъ обратное мы видимъ относительно Франциска Бэкона. Что новая научная мысль пошла по тому пути, который ей указывалъ Бэконъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но сомнѣваются какъ разъ въ другомъ, именно въ томъ, насколько мы въ правѣ считать его основателемъ новаго направленія мысли, глашатаемъ новой истины, и сомнѣваются потому, что мысли, высказанныя Бэкономъ, въ его время, такъ сказать, носились въ воздухѣ, будучи не разъ высказываемы не только современниками, но и ближайшими предшественниками Бэкона. Уже въ 17 вѣкѣ Г. Стеббъ обвинялъ Бэкона въ томъ, что свое сочиненіе объ успѣхахъ науки Бэконъ укралъ у Людовика Вивеса ¹⁾. Самъ Бэконъ указываетъ въ числѣ своихъ предшественниковъ по настойчивымъ призывамъ къ опытному изученію природы Парацельса (1493—1541) и Петра Северина (1542—1602) ²⁾ и не разъ цитируетъ Бернардина Телусъ, какъ своего единомышленника, по частнымъ вопросамъ. Несомнѣнно, что этотъ мыслитель, оказавшій большое влияніе на своихъ современниковъ, сторонникъ эмпиризма и противникъ Аристотеля, былъ хорошо извѣстенъ Бэкону и имѣлъ съ нимъ точки соприкосновенія ³⁾. Цѣлый рядъ еще

¹⁾ Испанскій мыслитель XV вѣка (1492—1540) (положившій начало эмпирической психологии своимъ трудомъ „De anima et vita“. Онъ оставилъ также опытъ научной энциклопедіи (De disciplinis), которая однако имѣетъ мало общаго съ бэконовскою. Энергично призывалъ къ опытному изученію природы (ср. Fowler, Bacon's Novum Organum, 93).

²⁾ The works of Fr. Bacon ed. by Spedding, Ellis and Heath vol. III, 533: „Denique Paracelsum et Severinum, cum tantis clamoribus homines ad experientiae suggestum convocant, praecones mihi exopto“.

³⁾ Ср. Novum Organum, II, 40 De Augmentis. IV, 3; N. O., II, 50 и также Fowler, 94—95, 437, 456, 549, 564, 588.

болѣе знаменитыхъ именъ можетъ быть названъ въ доказательство того, что направленіе научной мысли на природу и первые успѣхи естествознанія возникаютъ независимо отъ Бэкона. Таковы имена Коперника, Леонардо да Винчи, Иоганна Кеплера, Галилея. Изъ нихъ три послѣдніе, въ виду той ясности, съ которой они понимали основныя задачи математическаго естествознанія, называются иногда „подлинными основоположниками новой науки“ ¹⁾. Всѣ они не только призываютъ къ опытному изученію природы, но также отмѣчаютъ основную роль математики въ естествознаніи, чего нельзя сказать о Бэконѣ. Въ виду этого, въ особенности Галилею, въ извѣстномъ смыслѣ, должна быть отдана пальма первенства предъ Бэкономъ въ дѣлѣ основанія новаго міровоззрѣнія. Это положеніе однако должно быть ограничено цѣлымъ рядомъ соображеній. Во-первыхъ, наиболѣе знаменитыя сочиненія Галилея явились уже послѣ смерти Бэкона, и вообще мы не имѣемъ основаній думать, что Бэконъ въ развитіи своихъ основныхъ ученій былъ многимъ обязанъ Галилею. Во-вторыхъ, если Бэконъ не былъ единственнымъ и первымъ выразителемъ основныхъ тенденцій новой естественно-научной мысли, то онъ выразилъ ихъ съ такою энергіей и энтузіазмомъ, какъ никто изъ его предшественниковъ и современниковъ; поэтому на долю Бэкона болѣе, чѣмъ кого-либо другого, выпала заслуга—ввести эти тенденции въ общее научное сознаніе. Наконецъ, въ третьихъ—и въ этомъ заключается главная черта оригинальности Бэкона—ему принадлежитъ первый опытъ систематической обработки теоретическихъ основъ новаго научнаго метода: сознать важность опытнаго познанія природы, уловить его основныя задачи и даже практически осуществить тѣ или инныя изъ нихъ—это еще не то же самое, что создать теорію естественно-научнаго метода. Конечно, было бы много сказать, что Бэконъ ее создалъ въ законченномъ видѣ, но несомнѣнно, что онъ положилъ ей начало. Современное ученіе объ индукціи несомнѣнно имѣетъ въ немъ одного изъ своихъ основателей.

Стремленіе къ изученію природы, или еще лучше, къ проникновенію въ природу, по отношенію къ эпохѣ возрожденія

¹⁾ Ср. *Герфдингъ*, Учебникъ исторіи новой философіи, 36 слл.

нія, не должно быть связываемо лишь съ нѣкоторыми, хотя бы и знаменитыми, именами; оно принадлежит тѣснѣйшимъ образомъ къ тому, что называется „духомъ времени“. Обращеніе къ природѣ—общій лозунгъ эпохи, который находитъ свое примѣненіе далеко за предѣлами естествознанія и даже за предѣлами науки: „естественная“ религія, „естественное“ право, „естественная“ логика столь же характерны для этой эпохи, какъ и стремленіе возвратитъ къ природѣ всю жизнь путемъ обоснованія новой этики и въ особенности педагогіи, которыя также проникнуты общими тенденціями возвращенія къ природѣ. Достаточно назвать имена Боккаччіо, Рабле и Шекспира, чтобы убѣдиться, что искусство, такъ же какъ и все духовное творчество эпохи, было проникнуто тѣмъ же духомъ. Принявъ все это во вниманіе, мы не можемъ не видѣть, что Бэконъ является наилучшимъ выразителемъ основныхъ стремленій и чаяній своего времени. Вотъ почему многочисленныя точки соприкосновенія его съ современниками, нисколько не умаляя его заслугъ, говорятъ лишь за то, что его философія дѣйствительно была „дочерью времени“, или пользуясь заглавіемъ одного изъ его сочиненій, „*Temporis partus masculus*“. Но именно поэтому было бы нецѣлесообразно разыскивать его „предшественниковъ“ среди тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ ¹⁾. Для пониманія

¹⁾ Эта нецѣлесообразность, на вашъ взглядъ, лишній разъ доказана статьями Freudenthal'a „*Beiträge zur Geschichte d. englischen Philosophie*“, напечатанными въ *Arch. für Gesch. d. Philosophie* за 1891 г., о которыхъ Фалькенбергъ говоритъ, что онѣ разсѣяли во многихъ пунктахъ туманъ, покрывавшій отношенія Бэкона къ предшественникамъ и современникамъ“ (Истор. нов. философіи, пер. подъ ред. Викторова, 40). Того, кто приступилъ бы къ чтенію статей Фрейденталя съ преувеличенными ожиданіями, ждетъ немалое разочарованіе. Попытка указать въ лицѣ Эвфарда Дигби и Вильяма Темпля „предшественниковъ“ Бэкона должна быть признана несостоятельною. За это съ достаточною убѣдительною говорить уже то вѣднѣе обстоятельство, что Дигби и Темплъ—двѣ противоположности по образу мыслей, и если оба они тѣмъ не менѣе предшественники Бэкона, то уже по одному этому можно судить, насколько существенно можетъ быть связь, соединяющая съ ними Бэкова. Обращаясь къ существу дѣла, нельзя не замѣтить, что точки соприкосновенія здѣсь сводятся лишь къ такимъ пунктамъ, которые относятся къ широко признаннымъ научнымъ задачамъ или тенденціямъ времени: борьба съ авторитетомъ Аристотеля, опыты научной энциклопедіи, постановка вопроса о научномъ методѣ, сознаніе важности эмпирическаго индуктивнаго изслѣдованія—

происхожденія философін Бэкона гораздо больше дастъ знакомство съ общимъ характеромъ эпохи и ея стремленій, которыя мы въ настоящемъ случаѣ можемъ только отмѣтить, такъ какъ ихъ подробное изображеніе выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка.

Уже въ возрастѣ 25-ти лѣтъ опредѣлилась въ сознаниіи Бэкона его основная научная задача, именно созданіе метода для истолкованія природы. Позднѣе (около 1606—1607 года) рамки этой задачи раздвинулись и намѣтились черты болѣе грандіознаго плана, который на языкѣ Бэкона носитъ названіе „*Instauratio Magna*“, т. е. великаго возобновленія наукъ ¹⁾. Въ окончательной формѣ этотъ планъ обнародованъ вмѣстѣ съ первымъ изданіемъ „*Новаго Органа*“—въ 1620 году. По замыслу Бэкона, *Instauratio* должна была представлять собою обширную научную систему, обнимающую шесть частей, изъ которыхъ двѣ впрочемъ скорѣе имѣютъ вспомогательное значеніе. Части эти слѣдующія.

1. Обзорѣніе и классификація наукъ; существующія науки и *desiderata*. 2. Новый методъ объясненія природы. 3. *Phaenomena Universi, sive Historia naturalis et experimentalis*, т. е. собраніе естественно-научныхъ фактовъ, какъ данныхъ въ природѣ, такъ и экспериментальныхъ. 4. *Scala intellectus* (Лѣстница разума)—систематически подобранный рядъ примѣровъ приложенія новаго метода, сдѣланный такимъ образомъ, чтобы, какъ говоритъ Бэконъ, „не было недостатка въ примѣрѣ ни для какого рода предметовъ“; по словамъ самого Бэкона, эта часть есть лишь болѣе частное и развитое примѣненія второй ²⁾. 5. *Prodromi*—антиципации строго-научнаго объясненія явленій природы, предварительные результаты собственныхъ наблюденій и открытій автора, не провѣренныя настоящимъ методомъ научнаго изслѣдованія; эта часть имѣетъ лишь провизорное значеніе, и за ея полную научную

все это такія вещи, которыя было бы странно разсматривать, какъ особенныя черты воозрѣній именно Дигби и Темпля—такъ широко они были распространены и такъ часто мы на нихъ наталкиваемся въ разсматриваемую эпоху.

¹⁾ Объ этомъ см. у Ellis'a въ предисловіи къ *N. O., Works of Bacon*, ed. cit., v. I. 82—83; ср. *Fowler*, op. c., 6.

²⁾ См. *Distributio operis* у *Fowler'a* p. 179.

состоятельность авторъ не беретъ на себя отвѣтственности.
6. *Philosophia secunda, sive scientia activa*—система натуральной философіи, построенная согласно требованіямъ новаго метода.

Изъ этого обширнаго плана только одну—именно первую часть Бэконъ выполнилъ въ своемъ сочиненіи „*De dignitate et augmentis scientiarum*“ (1623 г.), представляющемъ болѣе обширную обработку ранѣе (въ 1606 г.) изданнаго англійскаго сочиненія *The advancement of learning*. 2-й части *Instauratio* соотвѣтствуетъ *Novum Organum* (1620 г.), основныя черты котораго также намѣчены раньше, главнымъ образомъ въ *Cogitata et visa* 1). Хотя „Новый Органъ“ остался главнымъ сочиненіемъ Бэкона, онъ далеко не законченъ, такъ что 2-я часть *Instauratio* не можетъ считаться выполненной. Для 3-ей части Бэкономъ написаны „*Sylva Sylvarum*“—сборникъ естественно-научныхъ фактовъ, изданный послѣ смерти философа (1627 г.) и рядъ отдѣльныхъ „исторій“, т. е. собраній фактовъ по отдѣльнымъ вопросамъ: „*Historia ventorum*“ (1622 г.), „*Historia vitae et mortis*“ (1622—3 г.), „*Historia densi et rari*“ (напечатано въ 1658 г.). Всѣ эти сочиненія могутъ быть разсматриваемы лишь какъ начало естественной исторіи. Для 4-й и 5-й частей Бэконъ написалъ только предисловія, хотя нѣкоторые изъ трактатовъ Бэкона могли бы быть отнесены къ 5-й части: таковы: „*De natura rerum*“, „*De fluxu et refluxu maris*“ и др. Наконецъ, 6-я и самая главная часть *Instauratio* остается у Бэкона только какъ *desideratum*.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что изъ шести предполагавшихся частей *Instauratio* только одна выполнена, для четырехъ даны лишь фрагменты, иногда не идущіе дальше предисловія, а одна, самая притомъ важная, осталась совсѣмъ въ области пожеланій. Нужно ли это понимать такъ, что Бэконъ составилъ широковѣщательную программу, которую онъ затѣмъ оказался не въ состояніи выполнить?

Нѣтъ, это зависѣло отъ самаго существа дѣла: планъ Бэкона не могъ быть выполненъ имъ, и онъ самъ не смотрѣлъ на такое выполненіе, какъ на свою личную задачу. Въ сво-

1) Написано около 1607 года, издано въ печатномъ видѣ лишь въ 1563 году; самый „Новый Органъ“ впервые написанъ въ 1608 году, послѣ чего, по свидѣтельству самого Бэкона, переписывался ежедневно, въ теченіе 12-ти лѣтъ.

ихъ собственныхъ глазахъ Бэконъ никогда не являлся творцомъ законченной системы, а лишь глашатаемъ и знаменосцемъ новой науки, создаваемой коллективными усилиями человѣческихъ поколѣній. Что касается, прежде всего, третьей части, то самъ Бэконъ признаетъ ее невыполнимымъ для одного лица или поколѣнія, опредѣленно указывая на несовершенное состояніе естественно-историческихъ наблюденій своего времени 1). Въ виду того, что вторая часть уже предполагаетъ удовлетворительное состояніе естественной исторіи, а 4-я часть не можетъ быть выполнена безъ второй, ясно, что Бэконъ не могъ рассчитывать также на выполнение этихъ двухъ частей. Пятая часть, провизорная, по самому существу говоритъ за то, что окончательное созданіе естественной философіи есть лишь дѣло будущаго, что Бэконъ и выражаетъ опредѣленно уже по поводу шестой части. „Выполненіе этой послѣдней части и приведеніе ея къ концу есть дѣло, превышающее наши силы и превосходящее наши надежды. Мы полагаемъ ему (какъ надѣмся) не заслуживающее пренебреженія начало (*initia* по *contempnenda*), заверщеніе же дастъ (послѣдующій) жребій человѣческаго рода, и объ этомъ завершеніи, при настоящемъ положеніи вещей и умовъ, люди едва ли даже могутъ судить или составить себѣ представленіе“ 2). Научныя заслуги Бэкона сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на томъ, что имъ сдѣлано для первой и второй части *Instauratio*, и преимущественно на Новомъ Органѣ, не смотря на его незаконченность. Несомнѣнно, что именно ученіе о методѣ является душою всего научнаго творчества Бэкона; по времени, какъ мы уже говорили, это раньше всего опредѣлившаяся въ сознаніи мыслителя задача и по существу навсегда оставшаяся для него самою важною; съ „Новымъ Органомъ“ преимущественно связано и то положеніе, которое занимаетъ Бэконъ въ исторіи философіи; наконецъ, изученіе „Новаго Органа“ лучше всего раскрываетъ предъ нами общій характеръ научныхъ стремленій и идеаловъ Бэкона, что въ свою очередь способствуетъ иногда лучшему пониманію даже первой части—тѣхъ воззрѣній, которыя мы находимъ въ сочиненіи „О до-

1) N. O. I, 117; De Augmentis, III, 4, въ изд. E. S. vol. I, 559 и др.

2) *Distributio*. у Fowler'a p. 180.

стоинствѣ и усовершенствованіи наукъ“. Все это и заставляетъ насъ прежде всего обратиться къ тѣмъ ученіямъ Бэкона, которыя связаны главнымъ образомъ съ „Новымъ Органомъ“.

Главнымъ предметомъ научнаго интереса Бэкона, какъ мы знаемъ, является природа. Какой-же внутренній мотивъ даетъ направленіе этому интересу? Самъ Бэконъ опредѣляетъ этотъ мотивъ съ субъективной стороны какъ честолюбіе, съ объективной—какъ счастье и могущество человѣческаго рода; впрочемъ то и другое въ конечномъ счетѣ совпадаетъ. Бэконъ различаетъ три вида честолюбія ¹⁾. Первый состоитъ въ стремленіи расширить свою власть въ своемъ отечествѣ,—честолюбіе наиболѣе низкое и неблагородное; честолюбіе второго рода стремится распространить власть отечества на другіе народы,—въ этомъ больше благородства, по едва ли больше безкорыстія; наконецъ, третій видъ честолюбія направленъ на то, чтобы распространить власть и могущество всего человѣчества на цѣлый міръ,—честолюбіе самое чистое, высокое и благородное; это и есть тотъ видъ честолюбія, который воодушевлялъ самого Бэкона, по его неоднократному признанію. Но могущество человѣческаго рода, его власть надъ природою обусловлены познаніемъ природы. Вотъ почему вниманіе Бэкона и направлено на это познаніе.

Попытаемся теперь болѣе точно опредѣлить научныя цѣли Бэкона. Познаніе природы и власть надъ природою не начались съ Бэкона. Самъ Бэконъ любилъ говорить, что истина есть дитя времени; онъ сознавалъ, что его личныя научныя заслуги стоятъ въ зависности отъ условій эпохи. Мы должны обратить вниманіе на эти условія. Здѣсь мы находимъ, что расширеніе могущества человѣка въ отношеніи природы является не только цѣлью, но и предварительнымъ условіемъ ученія Бэкона. Роль уже сдѣланныхъ открытій является необходимою предпосылкою его ученія. Уже древность, указывая опъ, отмѣтила выдающееся значеніе открытій и изобрѣтеній, воздавая божескія почести великимъ изобрѣтателямъ. Между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги своему отечеству въ политической области

1) N. O. I, 129, по изданію Fowler'a, p. 337.

(какъ основатели городовъ и государствъ, законодатели, освободители), получали только почести героевъ. И это совершенно справедливо: послѣдніе оказали услуги только отечеству и значеніе ихъ дѣяній простирается самое большое на нѣсколько вѣковъ, первые же принесли благодѣяніе всему человѣческому роду и на вѣчныя времена; политическія преобразованія не обходятся безъ смутъ и насилія, открытія и изобрѣтенія несутъ свои благодѣянія мирнымъ путемъ, никому не оказывая вреда. Чтобы убѣдиться въ размѣрахъ того значенія, которое принадлежитъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, достаточно сравнить образъ жизни дикарей и цивилизованныхъ европейцевъ; громадное различіе здѣсь обусловлено не почвою, не климатомъ и не окружающей физической обстановкою, но науками. Въ особенности эпоха великихъ открытій и изобрѣтеній была всегда передъ глазами Бэкона. Значенія и послѣдствія изобрѣтеній, по его словамъ, ни въ чемъ не сказываются съ такой ясностью, какъ въ трехъ вещахъ, неизвѣстныхъ въ древности и недавно вошедшихъ въ жизнь, каковы: искусство книгопечатанія, оружіи порохъ и компасъ. Эти три изобрѣтенія измѣнили видъ земного шара и произвели троякій переворотъ: первое—въ литературѣ, второе—въ военномъ дѣлѣ, третье—въ мореплаваніи. Отсюда послѣдовали безчисленныя измѣненія всякаго рода, такъ что ни одна власть, ни одна секта, ни одна звѣзда не оказали такого могущественнаго вліянія на человѣческія дѣла, какъ эти техническія пріобрѣтенія ¹⁾).

Но если изобрѣтенія уже существовали и принесли такіе плоды, то о чемъ же заботиться, зачѣмъ еще нужно было какое-то обновленіе наукъ, изобрѣтеніе новаго научнаго метода? Двѣ вещи побуждали Бэкона къ преобразовательной дѣятельности въ научной области: во-первыхъ, современное ему состояніе науки, а во-вторыхъ, тотъ способъ, какимъ дѣлались доселѣ изобрѣтенія.

Бэконъ видѣлъ, что наука его времени въ большинствѣ случаевъ была оторвана отъ природы и жизни, совсѣмъ чужда духа изобрѣтенія и бесплодна. Если посмотрѣть на современныя бібліотеки, говоритъ Бэконъ, то съ перваго взгляда можно поразиться количествомъ и разнообразіемъ

1) N. O. I, 129.

собранныхъ здѣсь книгъ, но если тщательно взглянуть въ эти сокровища, то они оказываются мнимыми. За видѣннымъ обиліемъ и разнообразіемъ здѣсь скрывается величайшая внутренняя скудость, безконечное повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей въ различныхъ формахъ, при чемъ изобрѣтеніе этихъ формъ и составляетъ главную цѣль. Задача здѣсь заключается въ томъ, чтобы побѣждать противника аргументомъ, а не природою—дѣломъ. „Вся эта мудрость, почерпнутая нами главнымъ образомъ у грековъ, представляется какъ-бы дѣтствомъ науки и имѣетъ то общее съ дѣтствомъ, что весьма склонна къ болтовнѣ, но за незрѣлостью неспособна къ плодородію ¹⁾“. Случилось это отъ того, что наука устремляетъ свои взоры въ покрытые пылью фоліанты бібліотекъ, а не въ великую книгу природы. Благодаря этому, она оторвалась отъ своего корня и зачахла, нигде не получая животворящихъ соковъ ²⁾. Отсюда вытекала задача сблизить науку съ жизнью, заставить ее служить пользамъ и нуждамъ послѣдней, влить въ нее духъ изобрѣтенія, основаннаго на познаніи природы.

Но самое искусство изобрѣтеній выигрываетъ ли что-нибудь отъ союза съ наукой? Если бы это не было такъ, то вѣдь не было бы смысла заботиться о такомъ союзѣ: не забудемъ, что изобрѣтеніе остается основной цѣлью. Несомнѣнно, что и оно должно выиграть отъ соединенія съ наукой. Бэконъ обращаетъ вниманіе на то, что изобрѣтенія до сихъ поръ носили чисто случайный характеръ. Храмы египтянъ, обоготворявшихъ изобрѣтателей, были полны изображеніями животныхъ и почти лишены изображеній человѣческихъ, такъ какъ животныя, руководимыя естественнымъ инстинктомъ, чаще всего указывали людямъ путь къ полезнымъ открытіямъ ³⁾. Вообще всѣ изобрѣтенія, не исключая новѣйшихъ, представляютъ по Бэкону дѣло случая. Люди до сихъ поръ здѣсь какъ бы бродили въ потемкахъ, нечаянно наталкиваясь на тотъ или другой нужный предметъ. Только истинная наука можетъ измѣнить это положеніе ве-

¹⁾ *Instauratio magna, prefatio, Fowler, p. 162; ср. N. O. I, 85.*

²⁾ *N. O. I, 74.*

³⁾ *N. O. I, 73; De dignitate et augmentis scientiarum, I, V, c. 2; Works by Spedding Ellis and Heath, vol. I, p. 618.*

щей, только она можетъ зажечь свѣтильникъ, при помощи котораго человекъ увѣренной ступою пойдетъ по пути изобрѣтеній ¹⁾. Изобрѣтать значить подчинять себѣ природу, заставляя ее служить себѣ. Но заставить природу служить себѣ можно только познавъ ея законы: *natura enim non nisi parendo vincitur*.

Такимъ образомъ, союзъ науки и изобрѣтенія долженъ сдѣлать науку жизненною и плодотворною, а изобрѣтеніе—планомѣрнымъ.

Такова послѣдняя цѣль научныхъ стремленій Бэкона, но наука можетъ служить этой цѣли только при помощи приспособленнаго къ ней метода. Зданіе природы представляетъ собою для созерцающаго ее ума очень сложный и запутанный лабиринтъ, въ которомъ легко заблудиться, если не имѣть руководящей нити. Такимъ именно методомъ наука не обладаетъ. Нельзя сказать, чтобы интересъ къ изученію природы совершенно отсутствовалъ. Со времени Аристотеля здѣсь накопилось не мало фактовъ и наблюденій, но обработка ихъ не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки: фантастическое здѣсь переплетается съ достовѣрнымъ, суетвѣріе съ истиною. Правда, наука повидимому владѣетъ однимъ методомъ, именно—силлогизмомъ. Однако силлогизмъ совершенно непригоденъ для познанія природы, гдѣ дѣло идетъ не о томъ, что бы разсуждать исходя изъ понятій, а о томъ, чтобы изучать факты. Здѣсь силлогизмъ скорѣе ведетъ къ укрѣпленію заблужденій, чѣмъ къ открытію истины. Онъ самъ въ сущности есть дитя опыта, но, въ томъ видѣ, какъ онъ примѣнялся доселѣ,—дитя, такъ сказать, незаконное. Силлогизмъ состоитъ изъ предложеній, предложенія—чизъ словъ, а слова суть ярлыки понятій; итакъ, если сами понятія смутны и отвлечены отъ предметовъ случайно, то все, что на нихъ строится, лишено прочности. Такимъ образомъ, самый силлогизмъ для своей состоятельности требуетъ другого метода, дающаго надежныя обобщенія. Но такимъ методомъ не владѣютъ поклонники силлогизма. Понятія, которыми они оперируютъ, извлечены изъ фактовъ безъ всякаго метода и представляютъ собою результатъ очень грубыхъ обобщеній. Отъ небольшого числа плохо провѣрен-

¹⁾ De D. et A., ib.; N. O. I, 82.

ныхъ наблюдений эти люди взлетаютъ сразу на крыльяхъ умозрѣнія къ высшимъ принципамъ. Отъ такихъ именно быстрыхъ полетовъ вверхъ нужно отучить умъ: ему нужны не крылья, а свинцовыя гири, которыя бы держали его ближе къ почвѣ фактовъ. Такимъ образомъ Бэкону приходится констатировать, что метода, необходимаго для плодотворной разработки науки, совсѣмъ не существуетъ, что ученіе о немъ всецѣло относится къ области *desiderata*—„дефектъ, весьма сходный съ тѣмъ, какъ если бы при составленіи описи имущества умершаго человѣка было бы объявлено: *numeratae resipiae nihil* (наличныхъ денегъ совсѣмъ нѣтъ), ибо подобно тому, какъ съ помощью денегъ добывается все остальное, такъ при помощи этой науки получаютъ всѣ остальные ¹⁾“.

Восполнить этотъ пробѣлъ въ наличномъ состояніи науки и составляетъ задачу „Новаго Органа“.

„Новый Органъ“ преслѣдуетъ двоякую цѣль—отрицательную и положительную, деструктивную и конструктивную ²⁾. Прежде чѣмъ приступить къ построенію правильнаго научнаго метода, Бэконъ хочетъ устранить препятствія, стоящія на пути къ познанію природы. Вопреки сравненію, ведущему свое начало отъ Аристотеля, человѣческій умъ, по мнѣнію Бэкона, совсѣмъ не похожъ на *tabula rasa*. Напротивъ, первая задача научной критики заключается въ томъ, чтобы приблизить его къ такому состоянію. Со своей стороны Бэконъ любитъ сравнивать умъ съ зеркаломъ, неправильно отражающимъ вещи вслѣдствіе неровностей и шероховатостей. Вотъ ихъ то и нужно прежде всего устранить ³⁾. Существуютъ нѣкоторые коренные источники заблуждений человѣческаго ума, вытекающіе изъ общаго его состоянія, а не изъ тѣхъ или иныхъ частныхъ обстоятельствъ, нѣкоторые глубоко лежащіе предрасудки, которые, подобно призракамъ, завлакиваютъ человѣческій умъ и мѣшаютъ ему правильно отражать вещи. Отъ этихъ, какъ ихъ называетъ Бэконъ, *идоловъ* нужно прежде всего очистить человѣческій умъ, или, такъ какъ окончательное освобожденіе отъ нихъ есть дѣло

¹⁾ De D. et A., S. E. H., v. I, p. 617; N. O. I, 11 sqq.

²⁾ N. O. I, 115.

³⁾ Instauratio, Distributio operis, l. c., 174; ср. De D. et A., l. c., 643.

невозможное, то по крайней мѣрѣ, предостеречь человѣческую мысль отъ тѣхъ сѣтей, которыя они ей на каждомъ шагу разставляютъ. Бэконъ указываетъ четыре вида *идоловъ*: *идолы расы* (*idola tribus*), *идолы пещеры* (*idola specus*), *идолы рынка* (*idola fori*), и *идолы театра* (*idola theatri*).

1. *Идолы расы* лежатъ наиболѣе глубоко: они имѣютъ своимъ источникомъ общую природу человѣка. Они именно прежде всего принадлежать къ числу тѣхъ, отъ которыхъ можно только предостеречь, но не освободить умъ. Вотъ примѣры этихъ призраковъ. а) Умъ человѣческій склоненъ предполагать въ окружающей природѣ больше единообразія, порядка и правильности, чѣмъ сколько ихъ въ ней есть, ищетъ параллелей, сходствъ и соотношеній тамъ, гдѣ ихъ вовсе не существуетъ. Таково, на примѣръ, ученіе о томъ, что всѣ небесныя тѣла движутся по совершеннымъ кругамъ (а не по спиральямъ); таково ученіе о стихійномъ огнѣ, присоединенномъ ради симметріи къ тремъ даннымъ въ опытѣ стихіямъ (т. е. землѣ, водѣ и воздуху)¹⁾; сюда же принадлежитъ ученіе о десятиричномъ отношеніи между плотностью различныхъ стихій (такъ что, напр., одинъ объемъ земли содержитъ десять объемовъ воды, одинъ объемъ воды—десять объемовъ воздуха и проч.). б) Разъ усвоивъ себѣ извѣстные понятія и взгляды, человѣкъ на все остальное начинаетъ смотрѣть черезъ ихъ призму, не замѣчая фактовъ имъ противорѣчащихъ или отдѣляясь отъ такихъ фактовъ пустыми отговорками. Это главный источникъ, изъ котораго почерпаютъ свою пищу всевозможныя суевѣрія. Главная опора послѣднихъ заключается именно въ томъ, что тщательно отмѣчаются согласные съ ними факты и игнорируются несогласные. Одному мудрецу указали на портреты, которые были повѣшены на стѣнахъ храма, согласно обѣту, лицами, спасшимися отъ караблекрушенія, и съ торжествомъ спросили: „Ну что, теперь вы признаете силу боговъ?“— „Прекрасно, отвѣчалъ философъ, а гдѣ же изображенія тѣхъ, которые, давши обѣтъ, тѣмъ не менѣе погибли?“—Подобныя

¹⁾ Огонь какъ стихію не нужно смѣшивать съ видимымъ пламенемъ; сфера огненной стихіи помѣщалась выше воздуха и была, слѣд., слишкомъ отдалена для того, чтобы она могла сдѣлаться предметомъ воспріятія.

же вопросы могутъ имѣть мѣсто по отношенію ко всѣмъ сусвѣрнымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ, сновидѣніямъ, предчувствіямъ и проч. Подобное мы замѣчаемъ и въ наукѣ: положительнымъ примѣрамъ здѣсь обыкновенно придаютъ больше значенія, чѣмъ отрицательнымъ, между тѣмъ, какъ слѣдовало бы поступать, какъ разъ наоборотъ: положительные примѣры, *сколько бы ихъ ни было*, еще не доказываютъ теоріи, тогда какъ *только одного* отрицательнаго примѣра достаточно для ея разрушенія. е) Человѣческому уму свойственно безконечное стремленіе все дальше и дальше, за всякую поставленную границу. Такъ, мы не можемъ представить себѣ конецъ пространства или времени, конецъ вселенной, хотя представленіе безконечнаго пространства и времени вовлекаетъ насъ въ безысходное противорѣчіе (оно заставляетъ насъ допускать, что существуетъ одно безконечное большее другого безконечнаго, что безконечное можетъ быть исчерпано). Подобный же характеръ носитъ ученіе о безконечной дѣлимости. Изъ этого же свойства человѣческаго ума Бэконъ выводитъ склонность людей разсматривать природу по аналогіи съ своимъ духомъ: стремясь идти все дальше и дальше въ изслѣдованіи причинъ, свести неизвѣстное къ извѣстному, человѣкъ не умѣетъ остановиться и незамѣтно для себя вмѣсто дальнѣйшаго возвращается къ ближайшему, т. е. къ себѣ самому, и приписываетъ природѣ дѣли, аналогичныя своимъ. д) Дальнѣйшимъ источникомъ заблужденій того же рода служитъ вліяніе, которое оказываютъ на умъ страсти и желанія, вліяніе, иногда тайное и неуловимое, проникающее тысячами путей и окрапивающее наши сужденія въ субъективные цвѣта. е) Сюда же принадлежитъ склонность ума къ отвлеченностямъ, склонность, вслѣдствіе которой онъ преходящее и измѣнчивое принимаетъ за пребывающее и неизмѣнное. Между тѣмъ для успѣха науки нужно не отвлекаться отъ фактовъ, а анализировать ихъ; „лучше разсѣкать природу, чѣмъ абстрагировать“, какъ выражается Бэконъ. ф) Но самымъ важнымъ изъ всѣхъ призраковъ расы является несовершенство нашихъ органовъ чувствъ, т. е. главныхъ орудій въ дѣлѣ познанія природы. Но объ этомъ будетъ рѣчь дальше ¹⁾.

¹⁾ N. O. I, 45—52; ср. De D. et A., V; 4. l. c., 643—645.

2. *Идолы пещеры* коренятся въ индивидуальных особенностяхъ каждаго даннаго субъекта: каждый человекъ смотритъ на міръ какъ бы изъ своей пещеры, преломляющей и искажающей свѣтъ природы; сюда принадлежатъ особенности личнаго характера, умственнаго склада, воспитанія, среды, личнаго опыта и образованія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

а) Мыслители обыкновенно имѣютъ пристрастіе къ какой нибудь отдѣльной наукѣ или доктринѣ—или потому, что считаютъ себя творцами ихъ, или потому, что положили на нихъ много труда; такъ возникаетъ стремленіе все приводить къ этой наукѣ или доктринѣ: Аристотель все подчиняетъ логикѣ, Джилибертъ—всѣ явленія сводитъ къ магнетизму. б) Въ направленіи ума и дарованій мы замѣчаемъ часто діаметральную противоположенность: одни преимущественно способны наблюдать различія, другіе—сходства; первые схватываютъ самые тонкіе оттѣнки и настойчиво останавливаютъ вниманіе на частностяхъ, вторые улавливаютъ самыя незамѣтныя аналогіи и создаютъ неожиданныя обобщенія. Тѣ и другіе легко переходятъ мѣру: одни останавливаются на отдѣльныхъ сторонахъ и частныхъ состояніяхъ вещи, другіе вмѣсто реальной вещи схватываютъ ея тѣнь. в) Другое различіе умственныхъ наклонностей сказывается въ томъ, что есть люди, для которыхъ обаятельна древность, и есть такіе, которые интересуются только новымъ; такія пристрастія не имѣютъ ничего общаго съ подлинной природою истины, которая не можетъ быть привилегіею какой нибудь одной эпохи, и потому приносятъ громадный вредъ наукамъ и философіи. г) Къ подобнымъ же результатамъ приводятъ *упражненія* ума въ томъ или иномъ направленіи. Вниманіе, направленное на простѣйшіе элементы и мельчайшія частицы тѣль, какъ бы разбиваетъ и дробитъ умъ: тогда какъ созерцаніе природы въ цѣломъ истощаетъ его и приводитъ въ оцѣпенѣніе. Школы Левкиппа и Демокрита настолько погружены въ атомы, что опускаютъ изъ вида совокупность вещей, другіе—наоборотъ настолько поражены созерцаніемъ міроваго цѣлага, что не способны проникнуть въ простые элементы. Нужно умѣть совмѣстить то и другое такъ, чтобы умъ соединялъ остроту съ широтою.

Въ заключеніе для избѣжанія призраковъ пещеры Бэконъ даетъ такой совѣтъ: всякій, изучающій природу, долженъ

братъ подь подозрѣніе все то, что какъ бы приковываетъ къ себѣ и плѣняетъ его умъ. Чѣмъ болѣе вещь привлекаетъ къ себѣ, тѣмъ больше нужно осторожности для сохраненія чистоты и безпристрастія ума ¹⁾.

3. *Идолы рынка* обязаны происхожденіемъ взаимному общенію людей посредствомъ слова. Люди воображаютъ, что умъ управляетъ словомъ; въ дѣйствительности часто слово управляетъ умомъ, закрѣпляя неправильныя или неудачно составленныя понятія. Первоначальное значеніе словъ соотвѣтствуетъ несовершенному состоянію понятій, группирующихъ вещи по наиболѣе грубымъ и бросающимся въ глаза чертамъ. Когда затѣмъ умы болѣе проникательныя и наблюдательныя захотятъ измѣнить принятыя группировки, то слова съ шумомъ поднимаются противъ нихъ. Вотъ почему самыя большіе научныя споры часто становятся спорами о словахъ. Повидимому это зло можно бы было устранить при помощи точныхъ опредѣленій, но въ дѣйствительности это не такъ: вѣдь опредѣленіе дается также при помощи словъ и эти слова нужно было бы снова опредѣлить, и такъ далѣе до безконечности. Поэтому есть только одно средство для борьбы съ *идолами рынка*: нужно отъ словъ обращаться къ конкретнымъ вещамъ и фактамъ, къ ихъ объективнымъ связямъ порядку.—Въ качествѣ примѣровъ Бэконъ здѣсь указываетъ съ одной стороны слова, обозначающія несуществующія вещи (фортуна, планетныя сферы, стихія—огонь), съ другой—слова, выражающія неудачныя обобщенія, приложимыя къ самымъ разнообразнымъ предметамъ и потому лишеныя опредѣленности (влажность) ²⁾.

4. *Идолы театра* суть предразсудки, порождаемыя существующими философскими школами и ученіями ³⁾. Эти ученія, изъ которыхъ каждое по своему построитъ картину міра, Бэконъ сравниваетъ съ театральными пьесами, разыгрываемыми на сценѣ, такъ какъ они рисуютъ намъ міры не дѣйствительныя, а только воображаемыя. Здѣсь имѣются въ виду не только цѣлыя системы, но также частныя принципы или аксіомы тѣхъ или иныхъ наукъ, принятыя по

¹⁾ N. O. I, 53—58; ср. De D. et A., l. c., 645.

²⁾ N. O. I, 59—60; ср. De D. et A., l. c., 645—646.

³⁾ N. O. I, 61—67.

традицій и на вѣру, безъ всякаго изслѣдованія. Для времени Бэкона, когда борьба съ признанными въ средніе вѣка авторитетами стояла на первомъ планѣ, этотъ разрядъ идоловъ имѣлъ особенное значеніе. Вотъ почему Бэконъ на протяженіи вѣхъ своихъ произведеній не устаетъ вести борьбу противъ фетишизма предъ авторитетомъ, противъ пристрастія къ древности. Истина дочь времени, а не авторитета, она подлежить росту и развитію. Конечно, справедливо, говоритъ Бэконъ, что всякій учащійся долженъ съ довѣріемъ относиться къ учителю, но недурно присоединить къ этому другое правило: „человѣкъ, закончившій ученіе, долженъ руководиться собственнымъ умомъ“. Уваженіе къ учителю не обязываетъ къ отреченію отъ свободнаго сужденія и умственному рабству ¹⁾. Когда говорятъ о почтеніи къ древности, то самое понятіе *древности* употребляется неправильно: справедливѣе прилагать его къ болѣе старому и зрѣлому міру, обладающему большимъ опытомъ. А эти признаки принадлежатъ нашей эпохѣ, а не тому болѣе юному возрасту міра, когда жили наши предки. Достаточно обратить вниманіе на открытіе новыхъ, на изобрѣтенія, на безчисленное множество новыхъ опытовъ и наблюденій,—достаточно сравнить все это съ тѣми ограниченными представленіями о мірѣ, какія были въ древности, чтобы убѣдиться, что нашъ міръ болѣе зрѣлый, чѣмъ такъ называемый древній ²⁾. Нужно къ этому прибавить, что время доноситъ до насъ далеко не лучшія произведенія прошлаго: подобно рѣкѣ, оно погружаетъ на дно вещи болѣе высокія и плотныя, донося лишь то, что вслѣдствіе легковѣсности, остается на поверхности, какъ цѣна или щепки. Оно такимъ образомъ потопило болѣе основательныя ученія до-сократовской физической философіи, между тѣмъ какъ болѣе легковѣсная ученія Платона и Аристотеля донесло до насъ ³⁾. Стремленіе опираться каждое воззрѣніе на авторитетъ древности напоминаетъ Бэкону новыхъ дворянъ, заказывающихъ вымышленныя генеалогіи, въ которыхъ ихъ происхожденіе выводится отъ старинныхъ и знаменитыхъ родовъ. Вопреки этому

1) De D. et A., lib. I, l. c., 458.

2) N. O. I, 84; ср. 72.

3) N. O., I, 71, 77, 122; ср. De D. et A., l. c., 458—460.

онъ совѣтуетъ искать новыхъ открытіи во свѣтъ природы, а не во мракъ древности ¹⁾.

Всѣ прежнія философскія системы которыми Бэконъ иллюстрируетъ свое ученіе объ *идолахъ театра*, онъ раздѣляетъ на три разряда. Одни философы вырываютъ изъ общей совокупности опыта нѣсколько разрозненныхъ, обыденныхъ фактовъ безъ всякой провѣрки и изслѣдованія и, представляя остальное умозрѣнію и рациональной изобрѣтательности, строятъ самыя широкія обобщенія—*философія раціональная. или софистическая*. Другіе исходятъ изъ ограниченнаго числа опытовъ, тщательно проработанныхъ, но дѣлаютъ изъ нихъ очень широкое употребленіе, сводя къ нимъ все остальное—*философія эмпирическая*. Наконецъ, третьи смѣшиваютъ философію съ теологіей и религіозными преданіями, и иногда до такой степени, что сводятъ научныя объясненія къ духамъ и геніямъ—*философія суевѣрная*. Въ примѣръ первой Бэконъ приводитъ Аристотеля, въ примѣръ второй—Джильберта, въ примѣръ третьей—Пифагора и Платона. Хотя Бэконъ и говоритъ здѣсь, что наибольшихъ предосторожностей заслуживаетъ философія суевѣрная, такъ какъ она даетъ заблужденію религіозную санкцію, однако самыя сильныя удары его критики направлены явнымъ образомъ противъ Аристотеля: онъ своею діалектикою извратилъ естественную философію, насильственно подчиняя природу своимъ философскимъ декретамъ; болѣе заботясь о своей славѣ, чѣмъ объ истинѣ, онъ—подобно турецкому султану, который при вступленіи на престолъ прежде всего избиваетъ своихъ братьевъ,—начинаетъ съ искорененія всѣхъ прочихъ системъ съ цѣлію подчинить себѣ одному всѣ умы ²⁾. Въ концѣ концовъ эта философія достигла почти единодушнаго признанія. Но такому единодушію нельзя радоваться: оно не есть результатъ свободнаго размысленія и согласія, а рабскаго подчиненія ³⁾.

¹⁾ N. O., I, 122.

²⁾ N. O., I, 63, 67.

³⁾ Въ De D. ei A. Бэконъ обнаруживаетъ болѣе безпристрастія по отношенію къ Аристотелю: онъ отмѣчаетъ добросовѣстность и точность его исторіи (lib. I, l. c., 456), называетъ Аристотеля великимъ философомъ (ib., 473), приводитъ ученіе Аристотеля въ числѣ тѣхъ, которыя у ихъ основателей находились въ цвѣтущемъ состояніи, но впоследствии подверглись вырожденію (ib., 457).

Критическая задача „Новаго Органа“, какъ мы видимъ, сводится къ тому, чтобы освободить умы отъ власти предрасудковъ и принятыхъ философскихъ догматовъ. Эту сторону ученія Бэкона не безъ основанія сравниваютъ иногда съ методическимъ скептицизмомъ Декарта, отмѣчая, такимъ образомъ, общность въ исходныхъ пунктахъ философствованія у обоихъ мыслителей ¹⁾. Подобно тому, какъ въ царство небесное можно войти только уподобившись младенцу, такъ именно тѣмъ же путемъ только можно войти въ царство науки, а черезъ нее и въ область человѣческаго господства надъ природой ²⁾. Нужно приблизить свой умъ къ состоянію *tabula rasa*; нужно отрѣшиться отъ гордыхъ притязаній на обладаніе всеобъемлющимъ и несомнѣннымъ знаніемъ. Языкъ Бэкона въ этомъ случаѣ иногда настолько близокъ къ декартовскому, что невольно напрашивается мысль, не оказали ли на французскаго мыслителя извѣстнаго вліянія афоризмы въ родѣ слѣдующаго. „До сихъ поръ не нашлось человѣка, одареннаго такою настойчивостью и строгостью мысли, чтобы онъ наложилъ на себя предписаніе: совершенно искоренить въ себѣ ходячія теоріи и понятія и приложить умъ, очищенный (*abrasum*) и безпристрастный, за-ново къ отдѣльнымъ фактамъ“ ³⁾. Подобно Декарту, Бэконъ также тщательно отграничиваетъ сомнѣніе, какъ предварительную ступень познанія, отъ безусловнаго скептицизма. „Ученіе тѣхъ, которые защищаютъ скептицизмъ (акаталепсію), въ началѣ, нѣкоторымъ образомъ, согласуется съ нашимъ, но въ конечномъ результатѣ они неизмѣримо далеко расходятся и становятся противоположными другъ другу. Ибо тѣ просто утверждаютъ, что ничего невозможно знать, мы же,—что немного можно познать въ природѣ тѣмъ путемъ, который былъ въ употребленіи до сихъ поръ“ ⁴⁾. Въ противоположность „акаталепсіи“ скептиковъ Бэконъ проповѣдуетъ „евкаталепсію“ ⁵⁾; въ противоположность скеп-

¹⁾ *J. Nichol*, Fr. Bacon, his life and philosophy. Edinb. a. London, 1907 Part II, p. 157; *H. Heussler*, Fr. Bacon und seine geschichtliche Stellung. Breslau, 1889. S. 134, ср. *K. Fischer*, Fr. Bacon und seine Schule, ed. cit. S. 108.

²⁾ N. O., I, 68.

³⁾ N. O., I, 97; ed. Fowler, p. 301, ср. примѣчаніе 76.

⁴⁾ N. O., I, 37.

⁵⁾ N. O., I, 126.

тическому отрицанію авторитета чувствъ и разума, Бэконъ хочетъ притти къ нимъ на помощь ¹⁾. Но при извѣстной общности задачъ между деструктивной частью „Новаго Органа“ и методическимъ скептицизмомъ Декарта, нельзя не замѣтить и большого различія между ними. Его можно формулировать кратко такимъ образомъ: скептицизмъ Декарта шире по области своего примѣненія, скептицизмъ Бэкона въ своей области серьезнѣе и идетъ глубже. Исходнымъ пунктомъ философствованія Декарта служитъ *предположеніе ложности всякаго вообще знанія*: Бэконъ хочетъ начать съ очищенія ума отъ предвзятыхъ мнѣній и заблужденій, мѣшающихъ безпристрастному изслѣдованію природы: существованія міра, Бога и подобныхъ метафизическихъ вопросовъ Бэконъ совсѣмъ не касается своею критикой; онъ беретъ подобныя вещи, какъ нѣчто данное, не особенно углубляясь въ философскія основы ихъ признанія. Здѣсь мы видимъ, что скептицизмъ Декарта идетъ дальше, но зато въ другомъ направленіи онъ обнаруживаетъ менѣе критичности, нежели Бэконъ. Декартъ хочетъ при помощи предварительныхъ сомнѣній расчистить путь для разума съ тѣмъ, чтобы потомъ вполне довѣриться его руководству: разумъ самъ по себѣ для Декарта есть чистый источникъ свѣта. Этотъ „*lumen naturale*“ съ его „яснымъ и отчетливымъ“ знаніемъ является въ концѣ концовъ для Декарта наиболѣе надежнымъ оплотомъ противъ скептицизма. Напротивъ, Бэконъ, хотя и говоритъ также иногда о *lumen naturale*, однако отнюдь несклоненъ довѣрить процессъ познанія этому „естественному свѣту“ самому по себѣ ²⁾. Бэконъ знаетъ, что разумъ человѣческій склоненъ къ заблужденіямъ по самой своей природѣ, притомъ же его естественныя силы такъ ограничены, что, предоставленный самому себѣ, онъ не въ состояніи преодолѣть безконечной сложности и тонкости строения природы и осужденъ на безнадежное блужданіе въ

¹⁾ N. O., I, 37, 67.

²⁾ *Heussler*, который видитъ въ самомъ упоминаніи Бэкона о *lumen naturale* доказательство его рационализма (op. cit., 130 стр. 190—191), совершенно забываетъ обратить вниманіе на то, что самое понятіе *lumen naturale* совсѣмъ не имѣетъ у Бэкона того строго рационалистическаго смысла, какой оно носитъ у Декарта.

темныхъ дебряхъ опыта ¹⁾. Для того, чтобы онъ могъ достигнуть своихъ цѣлей, нужно освѣтить путь, снабдить его инструментомъ. Такимъ свѣтильникомъ и такимъ инструментомъ для разума и долженъ служить правильный научный методъ ²⁾. На него именно, а не на самый разумъ, возложены преимущественно надежды Бэкона. Чтобы достигнуть существенныхъ научныхъ результатовъ безъ метода, нужны или случай или гений; правильный методъ устраняетъ необходимость того и другого: при помощи его человѣкъ обычныхъ дарованій можетъ достигнуть того же, что при отсутствіи метода возможно лишь для гениально-одареннаго. „Если кто-нибудь похвалится тѣмъ, что онъ можетъ при помощи точности руки и вѣрности глаза провести болѣе прямую линію или начертить болѣе правильный кругъ, чѣмъ кто-нибудь другой, то, конечно, на этомъ основаніи можно заключать о превосходствѣ его способностей; но если кто будетъ утверждать, что онъ при помощи линейки и циркуля можетъ начертить болѣе прямую линію или болѣе правильный кругъ, чѣмъ другой при помощи только руки и глаза, то здѣсь еще совсѣмъ нечѣмъ превозноситься“. Что въ данномъ примѣрѣ линейка и циркуль, то въ наукѣ методъ. „Нашъ методъ научныхъ открытій, говоритъ Бэконъ, почти уравниваетъ природныя дарованія и оставляетъ немного ихъ превосходству, такъ какъ онъ все производитъ при помощи самыхъ вѣрныхъ правилъ и демонстрацій“ ³⁾. Нельзя не видѣть, что, если Декартъ слишкомъ довѣряетъ человѣческому уму, то Бэконъ, наоборотъ, цѣнитъ его слишкомъ мало и слишкомъ много надеждъ возлагаетъ на свой методъ, могущество котораго ему кажется безграничнымъ.— Не только единичныя, но и коллективныя умственныя успія будутъ безплодны до тѣхъ поръ, пока будутъ разсчитывать только на одинъ „голый умъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ обратиться къ примѣру технической дѣятельности. Если бы здѣсь люди поступали такъ, какъ они поступаютъ въ области умственного труда, т. е. если бы они брались за работу „голыми руками“, безъ помощи инстру-

¹⁾ N. O., I, 82, 100 и др.

²⁾ N. O., I, 2, 10.

³⁾ N. O., I, 122; ср. ib. 61; De D. et A., lib. V, cap. II, ed cit, p. 632.

ментовъ, они могли бы мало что сдѣлать. Предположимъ, что нужно бы было перенести (для украшенія какого-нибудь триумфа, или другого торжества) огромный обелискъ, и люди бы приступили бы къ этому дѣлу съ голыми руками; не назвали ли бы ихъ всякій благообразный зритель безумцами? Если бы они вздумали затѣмъ увеличить для этой цѣли количество рабочихъ или выбрать изъ нихъ наиболѣе рослыхъ и сильныхъ, то не сказали ли бы онъ, что они продолжаютъ безумствовать еще болѣе? Если бы, наконецъ, не удовольствовавшись этимъ, они призвали бы на помощь атлетическое искусство и приказали бы явиться на работу умашенными и примѣнивъ все нужныя въ такомъ случаѣ медицинскія средства, то не воскликнулъ ли бы тотъ же зритель, что они безумствуютъ по всемъ правиламъ искусства методически? И однако вѣдь въ области умственной работы люди поступаютъ какъ разъ именно такъ, рассчитывая на многочисленность и совмѣстныя усилія или на природное превосходство умовъ или, наконецъ, на ихъ упражненіе при помощи діалектическаго искусства, — во всехъ случаяхъ возлагая надежды на одинъ только „голый умъ“, (*intellectum nudum applicare no desinunt*), безъ помощи „инструментовъ и машинъ“¹⁾.

Переходя теперь къ положительной задачѣ „Новаго Органа“, остановимся предварительно на общей характеристикѣ гносеологическихъ воззрѣній Бэкона. Не смотря на постоянство и настойчивость, съ которыми Бэконъ отсылаетъ своихъ читателей къ опыту, какъ основному источнику, и индукціи, какъ основному методу познанія, было бы ошибочно характеризовать его ученіе, какъ исключительно и чисто эмпирическое. Когда Бэконъ хочетъ самъ опредѣлить свою философскую позицію, онъ всегда высказывается въ одинаковой мѣрѣ какъ противъ раціонализма, такъ и противъ чистаго эмпиризма, стараясь занять средину между тѣмъ и другимъ и избѣгать ихъ крайностей. Однажды онъ дѣлитъ мыслителей, разработавшихъ до того времени науки, на два класса: эмпириковъ и догматиковъ. Первые, подобно муравью, только собираютъ въ кучу и потребляютъ матеріаль-

¹⁾ N. O., praefatio, 186.

Вторые, подобно паукамъ, тянуть изъ себя паутину. Истинный философъ долженъ уподобляться пчелѣ, которая собираетъ матеріаль съ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, но затѣмъ перевариваетъ и перерабатываетъ его при помощи свойственной ей способности: онъ не долженъ опираться исключительно или преимущественно на силу ума, но не долженъ только собирать естественно-историческіе факты, слагая ихъ въ памяти безъ измѣненія, но долженъ подвергать ихъ переработкѣ. Только отъ тѣснѣйшаго союза этихъ двухъ способностей—экспериментальной и рациональной—можно ожидать плодотворныхъ результатовъ. Поэтому-то Бэконъ и характеризуетъ свой научный методъ, какъ истинный и законный бракъ между эмпирической и рациональной способностью¹⁾. Все это стоитъ въ полномъ соответствіи съ общими воззрѣніями Бэкона на происхожденіе и природу познанія. Оно возникаетъ, по Бэкону, изъ взаимодействія ощущенія и разума, которые въ этомъ процессѣ другъ друга дополняютъ. Всякое познаніе начинается съ ощущенія: органы чувствъ служатъ, по словамъ Бэкона, дверью разума (*intellectus janua*)²⁾. Безъ наблюденія надъ фактами нѣтъ знанія, потому что тогда оно не будетъ имѣть содержанія. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить досѣлешняя наука, которая чаще всего вырождалась въ пустыя словесныя упражненія, благодаря пренебреженію къ опыту и фактамъ; но даже и то немногое содержаніе, которое есть въ ея аксіомахъ и принципахъ, все же коренится въ фактахъ, хотя и неправильно использованныхъ³⁾. Никакая сила генія и никакое искусство доводовъ не могутъ заступитъ мѣсто фактовъ, хотя бы для этого объединились умы всѣхъ людей⁴⁾. Чувства такимъ образомъ даютъ намъ фактическій матеріаль; но они еще не создаютъ знанія. Его создаетъ разумъ. Именно онъ есть то зеркало, которое слѣдуетъ отполировать, чтобы оно правильно отражало предметы. „Незачѣмъ полировать зеркало, если нѣтъ образовъ,“ говоритъ однажды Бэконъ. Но съ

1) N. O., I, 95, *Instauratio magna, praefatio*, ed. Fowler, p. 167.

2) De D. et A., bib II, c. 1, ed. cit., p. 494. Cp. N. O., praef, 185.

3) N. O., I, 22, 25 и др.

4) *Instauratio magna, Distributio operis*, ed. Fowler, 175—176.

5) *Ibid.*, 176.

равнымъ правомъ можно сказать и наоборотъ: „зачѣмъ нужны образы, если нѣтъ зеркала, ихъ отражающаго?“

Въ другомъ мѣстѣ Бэконъ сравниваетъ роль разума въ познаніи съ ролью глаза (или вообще органа ощущенія): не нужно обращаться къ своему духу, какъ къ оракулу, ожидая отъ него прорицаній, а нужно направлять умъ на реальные предметы, удаляясь отъ нихъ лишь настолько, чтобы образы и лучи, идущіе отъ нихъ, могли сходиться въ немъ, какъ въ глазу ¹⁾. Впрочемъ отсюда нельзя заключать, что процессъ познанія есть простое созерцаніе образовъ разумомъ; мы уже знаемъ, что послѣдній долженъ ихъ переработать и переварить, подобно пчелѣ. „Образы отдѣльных предметовъ, или впечатлѣнія, воспринятія чувствомъ, фиксируются въ памяти... Послѣ того ихъ обрабатываетъ и пережевываетъ человѣческая душа (*recolit et ruminat anima humana*)“ ²⁾. Точнѣе роль разума опредѣляется такъ. Чувства даютъ намъ только единичное, между тѣмъ знаніе должно имѣть общую природу. Эта общность и создается разумомъ при помощи процессовъ объединенія и раздѣленія. „Философія оставляетъ въ сторонѣ отдѣльные предметы и не имѣетъ дѣла съ впечатлѣніями, непосредственно полученными отъ нихъ, но съ отвѣченными отъ нихъ понятіями, занимаясь соединеніемъ и раздѣленіемъ впечатлѣній согласно законамъ природы и очевидностью самихъ вещей. И это есть прежде всего задача и дѣло разума (*atque hoc prorsus officium est atque opificium rationis*)“ ³⁾. Въ другихъ случаяхъ Бэконъ обыкновенно опредѣляетъ путь истиннаго знанія, какъ планомѣрное восхожденіе отъ единичныхъ фактовъ къ общимъ принципамъ и аксіомамъ; ⁴⁾ въ этомъ то какъ разъ и долженъ проявляться законный союзъ между ощущеніями и разумомъ въ противоположность существующему между ними разладу (*quarum morosa et inauspicata divortia et repudia omnia in humana familia turbavere*). Разумъ самъ по себѣ никогда не разсматривается у Бэкона, какъ продуктъ опыта или ощущенія; онъ, напротивъ, и есть истинный дѣятель познанія—подъ условіемъ, что онъ не будетъ усиливаться извлекать

¹⁾ *Instauratio, praef.*, 166.

²⁾ *De D. et A.*, II, 1, ed. c., 494—495.

³⁾ *Ibid.*, 494.

⁴⁾ *N. O.*, I, 19.

его изъ себя, подобно науку. Поэтому именно для него въ конечномъ счетѣ начертывается истинный путь знанія въ „Новомъ Органѣ“ ¹⁾. Что методъ Бэкона долженъ быть характеризованъ, какъ эмпирической, — этого нельзя оспаривать, и самъ Бэконъ всегда опредѣляетъ его, какъ путь опыта; слѣдуетъ только помнить, что это не есть то, что уже Бэконъ называетъ „чистымъ опытомъ“ — „*experientia mera, quae si occurrat casus, si quaesita sit experimentum nominatur*“ ²⁾. Такой опытъ Бэконъ, пользуясь древней пословицей, уподобляетъ несвязанной метлѣ ³⁾. Связь и планомѣрность вносятся въ опытъ лишь разумомъ.

Хотя, какъ мы только что сказали, новый методъ, по мысли Бэкона, долженъ служить орудіемъ или инструментомъ для разума, однако, поскольку послѣдній въ своей дѣятельности обусловленъ ощущеніемъ, Бэконъ хочетъ притти на помощь тому и другому. Противопологая свое ученіе ученію скептиковъ, Бэконъ неоднократно указываетъ на то, что тѣ разрушаютъ авторитетъ чувствъ и разума, онъ же хочетъ доставить пособія тѣмъ и другому ⁴⁾. Это и понятно: приходя на помощь ощущенію, мы тѣмъ самымъ косвенно приходимъ на помощь и разуму. Посмотримъ теперь, въ чемъ и какъ можно притти на помощь ощущенію. Говоря объ *идолаъ расы*, мы уже указывали, что ощущеніе, какъ органъ познания, подвержено многимъ дефектамъ. Дефекты эти двоякаго рода: вопервыхъ, кругъ показаній нашихъ чувствъ очень ограниченъ, вовторыхъ, эти показанія сами по себѣ ненадежны и обманчивы. 1. Показанія чувствъ вообще имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ: мы воспринимаемъ лишь тотъ весьма ограниченный кругъ предметовъ и явленій, которые могутъ оказывать 'воздѣйствіе на наши чувства; такимъ образомъ, громадное большинство вещей ускользаетъ отъ нашего ощущенія — или только въ данную минуту, или же вслѣдствіе нѣкоторыхъ непреодолимыхъ условій, которыя дѣйствуютъ всегда. Первое имѣетъ мѣсто тогда, когда

¹⁾ *Novam autem et certam viam ab ipsis sensuum perceptionibus, menti aperiamus et muniamus.* N. O., praefatio, p. 185.

²⁾ „Чистый опытъ, который если представляется самъ собою, называется случаемъ, если его домогались, — экспериментомъ“. N. O., I, 82.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ N. O., I, 37, 67, 126.

предметъ слишкомъ удаленъ отъ насъ или заслоненъ посредствующимъ тѣломъ, или, наконецъ, когда чувство поглощено другимъ предметомъ. Второе, — когда предметъ или слишкомъ малъ, или по самой своей природѣ не воспріемлемъ для чувства, или когда скорость его движенія не соотвѣтствуетъ условіямъ воспріятія. Второе особенно важно: благодаря этому, отъ насъ скрыто внутреннее строеніе тѣлъ, вслѣдствіе малости ихъ частицъ, скрыты силы природы, сами по себѣ не подлежащія воспріятію; благодаря этому, ускользаютъ отъ нашего наблюденія многіе процессы и явленія природы, именно когда они переступаютъ извѣстныя границы быстроты или медленности. „Очевидно, что актъ ощущенія предполагаетъ движеніе, а движеніе время. Итакъ, если движеніе какого-нибудь тѣла или слишкомъ медленно или слишкомъ быстро, такъ что не соотвѣтствуетъ тому времени, въ которое совершается актъ ощущенія, то явленіе или предметъ вовсе не воспринимается, какъ при движеніи часовой стрѣлки или ружейной пули“. 2. Но даже и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ предметы доступны нашимъ чувствамъ, показанія послѣднихъ обманчивы и ненадежны и это опять-таки относится не только къ случайнымъ и устранимымъ обманамъ чувствъ, но къ самой природѣ чувственного знанія, которое всегда субъективно и отражаетъ природу человѣка, а не природу объективныхъ вещей: „*testimonium et informatio sensus semper est ex analogia hominis, non ex analogia universi*“²⁾).

Какія же средства могутъ быть указаны противъ дефектовъ, присущихъ ощущенію, какъ источнику знанія? Конечно, прежде всего здѣсь могутъ имѣть значеніе инструменты: телескопъ или микроскопъ помогаютъ видѣть предметы слишкомъ малые или слишкомъ отдаленные; термометръ даетъ возможность опредѣлить точнымъ образомъ недоступныя для ощущенія различія тепла и холода и т. д. Однако эти пособія явно недостаточны. Болѣе могущественнымъ средствомъ для расширенія и исправленія того матеріала, какой даютъ намъ ощущенія, является экспериментъ. „Тонкость экспериментовъ далеко превосходитъ тонкость органовъ чувствъ, хотя бы и снабженныхъ наилучшими инстру-

¹⁾ N. O., I, 50; II, 40.

²⁾ *Instauratio magna, distributio operis*, 174.

ментами“¹⁾. Искусно поставленный экспериментъ не только дѣлаетъ доступнымъ чувству многое, что недоступно для него въ обычныхъ условіяхъ, но сверхъ того даетъ возможность освободить опытъ отъ его главнаго недостатка—случайности: при помощи эксперимента мы имѣемъ возможность наблюдать не то, что хочетъ, такъ сказать, обнаружить предъ нами природа, но то, что мы желаемъ въ ней видѣть. Природа, предоставленная себѣ самой, свободная, скажетъ меньше, чѣмъ лишенная свободы, стѣсненная въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ бы прижатая къ стѣнѣ или взятая въ тиски²⁾.

Самъ Бэконъ былъ очень усерднымъ экспериментаторомъ. Какъ извѣстно, даже умеръ онъ отъ простуды, полученной въ то время, когда онъ набивалъ снѣгомъ курицу, чтобы наблюдать дѣйствіе холода, какъ фактора, замедляющаго разложенія. Нѣкоторые изъ экспериментовъ Бэкона очень остроумно придуманы. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. При объясненіи вѣса или тяжести тѣлъ, говоритъ Бэконъ, возможны два предположенія: можно думать, что всѣ тѣла стремятся къ центру земли вслѣдствіе внутренняго строенія, или же, что они притягиваются матеріальной массой земли. Какъ убѣдиться, какое изъ этихъ предположеній справедливо? Бэконъ предлагаетъ такой экспериментъ. Возьмемъ двое часовъ, изъ которыхъ одни приводятся въ движеніе свинцовыми гирями, другіе—пружинной; вывѣримъ ихъ такъ, чтобы они шли совершенно одинаково; помѣстимъ часы съ гирями на вершинѣ какого-нибудь высочайшаго зданія, а другіе оставимъ внизу и посмотримъ, не станутъ ли первые часы отставать вслѣдствіи уменьшенія тяжести гирь. Если это окажется такъ, то это будетъ свидѣтельствовать въ пользу притяженія предметовъ землею, потому что въ такомъ случаѣ сила стремленія предметовъ къ землѣ должна быть обратно пропорціональна съ ихъ разстояніемъ отъ земли³⁾.

Мы можемъ, такимъ образомъ, характеризовать теперь методъ Бэкона не только какъ эмпирическій, но и какъ экспериментальный. Однако само по себѣ примѣненіе экспери-

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Distributio*, 177.

³⁾ N. O., II, 36, ed. Fowler, p. 477—478. Мы опускаемъ вторую половину эксперимента, какъ основанную на явной ошибкѣ. Бэконъ предлагаетъ помѣстить часы съ гирями въ глубинѣ рудниковъ и посмотреть, не станутъ ли они идти скорѣе.

мента, какъ и опыта вообще, еще не является специфическою особенностью метода Бэкона. Уже Аристотель употреблялъ экспериментъ. Усердно экспериментировали средневѣковые алхимики. Экспериментъ только увеличиваетъ количество фактовъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, но еще не даетъ подлиннаго научнаго знанія. Путь опыта и эксперимента, какъ они употреблялись раньше, Бэконъ называетъ слѣпымъ, бессмысленнымъ, неопредѣленнымъ и безсвязнымъ (*via experimentalis caeca, stupida, vaga et praerupta*)¹⁾. Такимъ образомъ самый экспериментъ еще требуетъ метода для того, чтобы быть плодотворнымъ.

Бэконъ различаетъ три вида опыта. Первый—самый низшій и ненаучный—слѣпой и случайный. Второй Бэконъ называетъ „охотою Пана“; онъ идетъ отъ данныхъ наблюдений и опытовъ, по аналогіи съ ними, къ дальнѣйшему ихъ расширенію при помощи эксперимента. Напримѣръ: зажигающее стекло увеличиваетъ интенсивность солнечнаго луча; нельзя ли сдѣлать того же съ луннымъ лучемъ? Зрѣніе можно усилить при помощи очковъ; нельзя сдѣлать того же самаго для слуха? и т. д. Этотъ видъ опыта, по собственному признанію Бэкона, могъ имѣть мѣсто и раньше его: такъ, напримѣръ, перегонка жидкостей могла получить начало изъ наблюдений надъ осажденіемъ паровъ въ видѣ дождя и росы или просто въ видѣ капель воды на блюдѣ, которымъ были прикрыты котелъ съ кипяткомъ и т. п. Этотъ видъ опыта уже имѣетъ безспорное научное значеніе, и Бэконъ даетъ для него рядъ систематическихъ указаній. Но еще выше стоитъ третій видъ опыта, который Бэконъ называетъ „опытомъ свѣтоноснымъ“. Онъ состоитъ въ примѣненіи того самаго научнаго метода, въ созданіи котораго Бэконъ видѣлъ свою главную задачу.—Все это подобно тому, какъ человѣкъ, переходящій съ одного мѣста на другое, можетъ подвигаться впередъ тремя путями: или ошупью въ темнотѣ, или, плохо самъ видя, позволяетъ вести себя за руку, или же, наконецъ, направляетъ свой путь при помощи свѣтильника. Такимъ свѣтильникомъ и долженъ служить истинный научный методъ 2).

(Окончаніе слѣдуетъ). *Н. Городенскій.*

¹⁾ *Distributio operis*, 176; ср. N. O. I, 70.

²⁾ *De D. et A.*, lib. V, cap. 2; ed. cit., 623 sqq.